

Синдром пустого гнезда

Автор:

[Вера Колочкова](#)

Синдром пустого гнезда

Вера Александровна Колочкова

Секреты женского счастья

Всю свою жизнь Таня посвятила мужу и детям, у нее была образцовая любящая семья. Но вот наступило время, когда дети покинули дом, а муж охладел и, как подсказывало женское сердце, начал ей изменять. Синдром пустого гнезда – так называют состояние, в которое погрузилась Таня. Неужели все лучшее позади? Или выход всегда есть, стоит только начать действовать?

Вера Колочкова

Синдром пустого гнезда

Остановись, мгновенье. Хотя, может, не так уж ты и прекрасно, если мерить по большому счету? А может, и вовсе не прекрасно, а так, выскочило из обыденности, пронзило насквозь, и захотелось вдруг замереть и еще глубже вдохнуть воздух, и еще, и закрыть глаза, и улыбнуться, прежде чем сделать шаг... Хотя – глупости все это. Если Димону рассказать – смеяться начнет. А может, и не начнет. Вообще-то он такой, из понимающих. Снаружи пробивной и жесткий, как победитовое сверло, а в душе – нежный романтик. Наверное, потому их и потянуло друг к другу со страшной силой...

– Машк, ты чего тут затихарилась? Я тебя зову из ванной, зову...

Маша вздрогнула, легко развернулась к Димону всем корпусом, как подсолнух к солнцу. И улыбнулась так же – сразу всем лицом. Губами, глазами, ямочками на круглых щеках. Димон в проеме дверей тоже было вознамерился поплыть улыбкой, но мужественно сдержался, нахмурился рыжими бровями.

– Иди, покажи, на какую высоту тебе в ванной зеркало повесить. Видишь, не зря я с собой из дома дрель захватил – здесь вообще никаких инструментов нет. Молодец я у тебя, Машка, правда?

– Молодец, молодец... А победитовое сверло тоже захватил?

– Ну да, вот оно... А почему ты спросила?

– Да так... – загадочно ухмыльнулась Маша. – Ты знаешь, я вот стояла сейчас перед твоим чемоданом и думала – сделаю шаг, и начнется...

– Что – начнется?

– Что, что... Эх ты, Димон, Железный дровосек! Новая жизнь начнется, вот что!

– А чемодан-то тут при чем?

– Ну как при чем... Вот сделаю я к нему шаг, открою, достану твои рубашки, буду их в шкафу развешивать... Уже как настоящая женщина, понимаешь? И рубашки твои – они как подтверждение этого, ну, как символ, что ли... Я буду доставать их и развешивать в шкафу. Рубашки моего мужчины. Любимого. Чуешь момент? А потом я буду их стирать и гладить. И тоже с любовью.

– А-а-а... Ну, тогда понятно. А мне такое и в голову не пришло, когда я решил для тебя в ванной зеркало повесить... Ишь ты...

Димон задумчиво почесал висок черным победитовым сверлом, вздохнул, умильно уставился на свою маленькую подружку. Желтые глаза его в светлых ресницах потекли медовым теплом, и Маше опять показалось, что она знает это тепло на вкус, как любимое белое вино. Еще глоток – и захочется воспарить над обыденностью, и раствориться в сильных руках, и почувствовать себя самой маленькой из всех маленьких, самой любимой из всех любимых.

Хотя – стоп! Не надо. Вот не надо этого сейчас. Воспарить и раствориться – это потом, это еще успеется. А сейчас пусть будет просто – день. Обыкновенный, хлопотливый, и в то же время – особенный. Первый день их совместной жизни. Если сказать по-хамски – первый день сожителства. А можно и еще похлеще сказать – первый день гражданского брака. Гадкие словосочетания, правда? Слух режут. И что это значит – гражданский брак? А кто живет в законном браке, выходит, не граждане? А кто? Марсиане, что ли? И вообще нельзя было как-то по-другому такой брак назвать? Например – пробный, студенческий... Простенько и со вкусом. И всем понятно, что ребята любят друг друга и не желают ни прерывать учебного процесса, ни скитаться по холодным дачам, ни терпеть утренних скукоженных снисходительностью маминых-папиных лиц. Они просто хотят жить вместе, пусть в такой вот съемной убогой квартире, но непременно вместе. Что тут такого, скажите?

– Слушай, Димк... А твои как отнеслись... ну, к тому, что мы решили жить вместе?

– Да нормально отнеслись... Они ж у меня ребята простые, ханжескими прибабахами не обремененные. Обыкновенные родители. А твои как?

– А у меня, выходит, они не обыкновенные, а с этими самыми... С ханжескими прибабахами... – грустно вздохнула Маша, привычным жестом заправляя за ухо тугую вьющуюся прядь. – Мама мне, знаешь, такой концерт вчера закатила...

– Да? А мне всегда казалось, что она меня вполне адекватно воспринимает.

– Ой, Димк... Да не в этом же дело, как она тебя воспринимает! Просто она... Как бы это тебе объяснить... Она по-матерински за меня боится.

– Почему – боится? Что я тебя, съем, что ли?

– Нет. Не съешь. Но она до сих пор думает, что я маленькая девочка, понимаешь? Что я утром вовремя не проснусь, что позавтракать не успею, что обувь не ту надену и ноги промочу и буду потом лежать в жару и бреду...

– Ничего себе – маленькая девочка! Это в восемнадцать-то лет! Смешно!

– Ага. Смешно. А про тебя говорит, что ты тоже еще в игрушки не наигрался. Что в твои девятнадцать надо еще по девчонкам бегать, пиво на скамейках распивать и у родителей на походы в клубы деньги кланчить.

– Да откуда она знает, что мне надо, а что не надо? Да я, если хочешь, давно уже на родительской шее не сижу! И если я захочу выпить пива или пойти потусоваться в клуб, то...

– Ой, да ладно, не заводись! Это же не я говорю, а моя мама! Про папу я уж вообще не заикаюсь... Он меня убьет, когда из командировки вернется! И тебя заодно! Будем тут лежать юными трупами, как Ромео и Джульетта.

– Нет, я не понимаю... Что они против меня имеют?

– Против тебя – совершенно ничего. Скорее против меня. Это же я, их дочка, осмелилась уйти из родительского дома. А про тебя они и знать не захотят, пока ты официальным женихом не заделаешься.

– Машк... Ты что? Ты... Но ты же сама не захотела... Ты во мне сомневаешься, что ли?

– Да ничуть, Димка! Я-то как раз все понимаю. Мы же вместе так решили, это наше с тобой дело, как жить! Я тебе абсолютно доверяю и все-все про тебя знаю...

– А я – про тебя...

Они улыбнулись друг другу понимающе, и Маша быстренько отвела свой взгляд в сторону, будто застеснявшись этого стопроцентного понимания. Но горло от счастливого волнения все равно перехватило. Какое оно все-таки неуправляемое, это волнение! Вот промедли секунду – и уже точно с ним будет не совладать. И придется забыть на время и про чемодан с рубашками, и про зеркало в ванной. Стоит сейчас поднять на Димку глаза – и они точно с этим опасным волнением не совладают...

– А самое смешное, Димк, знаешь, в чем заключается? – деловито проговорила она, слишком торопливо склоняясь над Димкиным чемоданом и пытаясь

управиться с жесткой пластмассовой «молнией». – Самое смешное, что мои родители поженились, когда им обоим было по восемнадцать. Представляешь? Они познакомились, когда вместе в Питерский архитектурно-строительный поступали. Папа был местный, питерский, а мама – приезжая. Считаю, провинциалка. А потом их на картошку в колхоз отправили. Тогда всех первокурсников на картошку в колхоз отправляли. Вот там, как говорится, и осуществилась их любовь. Мама с той картошки уже мной беременная приехала...

– Да? И что она, жалеет об этом?

– Почему это – жалеет? Нисколечки не жалеет! Наоборот, смеется, когда говорит, что сделала удачный выбор, поменяв высшее образование на семейное счастье.

– Хм... А что, совместить все в одном флаконе нельзя было?

– Нет. Нельзя. Она, когда меня родила, в академку сразу ушла, думала, что действительно совместит... А через год еще и Данька родился. Какая уж тут учеба, когда на руках двое детей-погодок? Вот она и решила – и бог с ней, с учебой. Кругом тридцать три не бывает. Зато семья образцовая получилась. Пока папа на трех работах крутился, она ему курсовые делала, конспекты переписывала, с пеленками и с обедом успевала... Ты знаешь, они до сих пор с удовольствием вспоминают то время! Говорят, оно самое счастливое было. А мама его называет – счастье вопреки.

– Чему – вопреки? Вопреки трудностям, что ли? Так вроде у всех молодых семей трудности бывают...

– Нет, Димка, ты не понимаешь. Тут даже не в трудностях дело, а в том, что в их семью никто не верил. Вообще никто. Когда дети рожают детей, это всегда вызывает некий скепсис, вроде того – ну-ну, посмотрим, что вы с ними делать будете... И потому им никто не помогал. Смотрели, приглядывались, усмехались. Папина мама, то есть моя дорогая питерская бабушка, улыбалась и мечтала поскорее развязаться с ранней женитьбой сына. Она, между прочим, сама мне об этом рассказывала, когда в добром духе была... Спала и видела, как бы маму к родителям в ее маленький городок отправить! И мамина мама тоже улыбалась, но только по-другому – в покорном ожидании неизбежного. Вот-вот, мол, дочка

приедет, сядет ей на шею с двумя детьми. А пока они совместно улыбались, папа с мамой жили по съемным углам, любили друг друга, нас растили. Без помощи растили, с полным отсутствием материальной и моральной поддержки. А потом папа институт окончил, взял распределение в наш город, потому что здесь ордер на комнату обещали дать. И тут уж у них все пошло и поехало, как по накатанной. Выживший в жестоких условиях засухи семейный росток буйно полез вверх, зацвел образцовыми розами. Папа хорошие деньги в дом стал носить, мама была при очаге, при детях, при мужней любви. В общем, все как в кино – сначала холодильник купили, потом на телевизор стали копить...

Маша усмехнулась и замолчала, прикусив губу, будто устыдилась своего эмоционального выплеска-монолога. И впрямь, чего это ее понесло в подробности? Еще и прозвучало так, будто она не просто рассказывает о своей семье, а жалуется. Будто мать с отцом ее чем-то сильно обидели. Искоса глянув на Димона, она улыбнулась в его немного озадаченное лицо, торопливо закончила:

– Ну, в общем, они и сейчас довольны собой, абсолютно счастливы и ни разу ни о чем не пожалели...

– Да уж, красиво ты про своих родаков рассказала. Я аж заслушался. Только мне теперь непонятно, почему Татьяна Владимировна считает, что ты... Что мы...

– Не зови ее Татьяной Владимировной, Дим. Моя мамочка молодая еще особа. Тридцать семь лет всего!

– А как мне ее называть?

– Просто Таней... Ну, или Татьяной, что ли. Хотя какая в принципе разница... Как ни назови, все равно ты для нее теперь враг. Опустошитель семейного гнезда.

– Я – опустошитель?!

– А ты как думал? Пришел, увидел, пригляделся, увел из дома любимое дитя. Ей теперь заботиться не о ком.

- Здравствуйте! Как это - не о ком? У нее же муж есть! Сама говоришь - страшно любимый!

- Ну, в общем, да... Так оно и есть, конечно...

Маша тихо вздохнула, придирчиво начала рассматривать вытащенную из чемодана Димкину сорочку в синюю и желтую клеточку. Хотя чего ее рассматривать - сорочка как сорочка. Не новая, но чистенькая и хорошо проглаженная. Наверное, у нее долго еще так хорошо не получится Димкины сорочки гладить. И стирать тоже. И готовить она совсем не умеет. Стыдно сказать - ни разу за всю свою жизнь кастрюли борща не сварила. А туда же - здравствуй, новая взрослая жизнь, остановись, мгновенье... А главное - маму так жалко... Так жалко, что хоть плачь. А если еще вспомнить этот их вчерашний разговор... Может, Димке о нем рассказать? Хотя нет, не стоит, конечно. Наверняка мама сама себе всяких страхов напридумывала, только чтоб ее возле себя удержать...

* * *

- Не уходи от меня, Машенька... Прошу тебя... Зачем, зачем ты это делаешь?

Таня села на самый краешек стула, зажала ладони меж коленями, улыбнулась. И сама почувствовала, какой жалкой получилась улыбка. После такой улыбки обычно плакать всегда хочется.

- Mam... Ну чего ты в самом деле? Мы с Димом очень любим друг друга, мы просто хотим жить вместе... Что тут такого?

- Ой, да любите вы друг друга на здоровье! Кто ж вам мешает? Я ж не об этом толкую! Наоборот, я даже рада, что у тебя любовь. И это здорово, это замечательно, что любовь, но... Я так за тебя боюсь, доченька! Как-то нехорошо все-таки...

- Что - нехорошо?

- Да ваше сожительство это! Ты только прислушайся, как звучит... пошло!

– Мам, да брось ты в самом деле! Нет, не думай, я тебя понимаю, конечно... Просто сейчас времена другие, мам! Сейчас необязательно сразу в ЗАГС бежать, чтобы придать законный статус любви! Сейчас главное – не это.

– А что сейчас главное?

– А то, что мы и сами знаем, что она – просто есть. И это главное. А все остальное – второстепенное. Все остальное – потом, мам... Как говорится, по факту. А не наоборот.

– Да я понимаю, Машенька, я все это понимаю! Но зачем так торопиться? Тебе же всего восемнадцать! Ну, погуляли бы, повлюблялись без всяких бытовых нагрузок... Зачем тебе все это нужно, дочь?

– Нужно, мама. Очень нужно. А бытовые нагрузки – это тоже любовь, между прочим. Я их не боюсь. Наоборот...

– А как же я, доченька? Ты обо мне подумала? Я же совсем одна остаюсь.

– Мам, ты не одна. Ты с папой.

Таня опустила голову, грустно покивала головой, рассматривая бежевый узор на ковре. Давешнее беспокойство ворохнулось под сердцем, и она чуть задержала дыхание, не давая тревоге проснуться окончательно. Машка подошла сзади, обняла, ткнулась носом ей в шею, засопела совсем по-детски. Близкая, родная, и запах от волос чистый, почти младенческий. И руки тонкие, нежные, ничего толком не умеющие. Куда, куда она от нее уходит? Зачем ей эта взрослая жизнь? Неужели не успеется? Да еще в такой момент, когда пришло в ее жизнь это проклятое беспокойство, от которого никуда не спрячешься, которое растет день ото дня, набирая силу.

– Маш... Я не хотела тебе говорить, конечно, но... Мне кажется, что папа меня разлюбил...

Машка замерла на секунду, и тут же на ее румяном лице появилось насмешливое удивление:

– Ну, мам, ты даешь... Папа?! Чтобы папа вдруг разлюбил? Тебя?! Нет, это ж надо такое придумать, а?

– Я не придумываю, доченька.

– Хм... Ну, ладно. Давай разберемся. С чего ты это взяла вообще? Ну, какие у тебя факты есть?

– Да нет у меня никаких фактов. Просто я так... чувствую. Женщина всегда чувствует, когда... В общем...

– Ой, мам... Вот видишь, тебе даже сказать нечего! А это о чем говорит? О том, что ты все, все себе придумала...

– Нет. Я ничего не придумала, Машенька. Я же говорю – я чувствую...

– А чувства без фактов – это уже клевета, между прочим! Тем более – на папу, который... Да неужели ты не видишь, как он устает на своей работе? Он же фирму на плаву держать должен! Думаешь, легко ему было весь тот кризисный год? Все нервы, все силы там оставлены! Ты его, наоборот, понимать и жалеть должна, а ты... Ну, мамочка, ну и удивила ты меня!

– Да при чем тут его усталость, Маш? Я вовсе не об усталости говорю! Вернее, не в этом смысле... То есть не это имею в виду...

– Ой-ой... А что тогда ты имеешь в виду?

Нотка явной и немного снисходительной насмешливости, прозвучавшая в голосе дочери, больно задела ее, и в душе вспыхнула обида. Она еще и учить ее собралась, поганка маленькая! То есть позволила себе снисходительно рассуждать об интимной стороне их родительской жизни! Ну нет, это уже ни в какие ворота...

Скинув с себя Машкины руки, Таня решительно поднялась со стула, распрямила спину, уперла руки в бока. И голос зазвучал материнским твердым металлом – в конце концов, она мать или чужая равнодушная тетка?

– Маша! Я с тобой, между прочим, серьезно разговариваю! Ты никуда не пойдешь, Маша! Я тебя не отпускаю! Что это за блажь такая вообще? Вот скажи, ты этого мальчика давно знаешь?

– Я его знаю ужасно давно, мам.

– Сколько – давно? Месяц?

– А хоть бы и месяц! Разве это имеет какое-то значение? Я люблю его и хочу быть с ним вместе!

– Маш, ты сама-то себя послушай! У тебя только и звучит – я хочу, я хочу... Эгоистка! Нет, никуда я тебя не отпущу!

– Я все равно уйду, мам.

– Нет! Не уйдешь! Если тебе невтерпех и ты хочешь спать со своим мальчиком, то пусть он приходит сюда, к нам в дом! Я возражать не буду! Но ты никуда не пойдешь!

– Ой, давай обойдемся без пошлостей, ладно? Прошу тебя, пожалуйста...

Маша неловко сморщилась, как от зубной боли, решительно подошла к дивану, где раскрыл свой зев наполовину загруженный ее вещами чемодан, задумчиво встала над ним, уперев тонкие руки в худые девичьи бедра. Таня обиженно уставилась в ее спину, поморгала ресницами, потом снова опустилась на стул, тихо шмыгнула носом. Не оборачиваясь, Маша произнесла задумчиво:

– Не надо, мам... Ну что ты себя накручиваешь? Не плачь, пожалуйста... Ну вот скажи, о чем ты сейчас плакать собралась? – резко развернулась она лицом к матери. – Вот скажи – о чем? Ты думаешь, я не понимаю, да? Я, между прочим, все прекрасно понимаю...

– Что? Что ты понимаешь?

– А то! Все дети когда-то уходят из дома. Рано или поздно. И Данька тоже ушел. Ты же привыкла, что Данька ушел, правда?

- Вот только не надо сейчас про Даньку, Машенька. Это другой случай. Данька уехал учиться, мы с отцом не имеем права зарывать его талант в землю... А ты как раз учиться и не хочешь!

- Почему это? Очень хочу. Институт я обязательно окончу.

- Но зачем тогда подгонять судьбу, Машенька? Действительно, окончила бы институт, а потом бы занялась устройством личной жизни... Отец бы вам квартиру купил, машину. А так... Зачем тебе эти придуманные трудности, дочь? Наверняка эта съемная квартира убогая совсем, и до института далеко ездить...

- А мы с Димоном очень хотим этих трудностей, мамочка. Понимаешь? Очень хотим. И квартиру сами хотим купить, и машину. И денег мы у родителей брать не собираемся.

- Это ты его словами сейчас говоришь, да?

- Нет. Мы вместе так решили.

- Что ж. Блажен, кто верует... А тебя не смущает, что он тоже учится? Вы что, на стипендию будете все это покупать - квартиру, машину?

- Нет. Не на стипендию. Но Димка уже сейчас в двух местах подрабатывает.

- Ага... Значит, он вечерами будет в двух местах подрабатывать, а ты будешь одна сидеть в убогом съемном углу, стирать, убирать, готовить...

- Да. Именно так.

- А смысл какой?

- Да обыкновенный, мамочка... Мы хотим жить своей собственной жизнью, вот и весь смысл.

Машка подошла к шкафу, задумчиво уставилась на аккуратно развешенные на плечиках свои девичьи легкомысленные вещички - юбочки, цветные платица,

майки-джинсы. Таня снова сердито шмыгнула носом, с неожиданной неприязнью подумав о том, что еще вчера она своей собственной материнской рукой наводила порядок в дочернем шкафу, с пристрастием оглядывая каждую тряпочку на предмет чистоты и свежести. Что, что эта юная поганка умеет делать самостоятельно? Что она может вообще? Только пользоваться и умеет...

- А тебя не смущает тот факт, что ты к собственной жизни еще не готова? А, дочь? Чего ты умеешь-то?

- Ничего. Научусь. Все начинают с чего-то.

- Что ж, понятно... Стало быть, родительская любовь тебе больше не нужна...

Машка обернулась от шкафа с таким несчастным лицом, что Таня вздрогнула. Непонятная сила вдруг подняла ее со стула, бросила навстречу этому родному личику, и они обнялись, и заплакали дружно, и заговорили одновременно и перебивая друг друга:

- Очень, очень нужна, мамочка! Мне твоя любовь очень нужна!

- Как же ты будешь жить, моя девочка... Зачем ты так торопишься...

- Все будет хорошо, вот увидишь...

- Как же я буду без тебя, Машенька... Я же одна целый день дома, совсем одна...

* * *

- ...Эй, Машк... Ты чего так задумалась?

Димка подошел совсем близко, преданно уставился в глаза. Маша торопливо улыбнулась, потрясла кудряшками, смешно высунула кончик языка.

- Маш... Что-то не так, да? Ты скажи честно...

- Да все нормально, Димк, чего ты? Уж и задуматься нельзя.

- А о чем ты задумалась? Опять о моих рубашках?

- Нет. Не о рубашках. Ну, пойдем, что ли, ты ж меня в ванную приглашал... Будем зеркало под мой рост вешать.

- А может... Может, ну его, это зеркало? Успеется...

Димка ловко подхватил ее на руки, с силой прижал к себе, и она задохнулась счастьем, обвила его шею руками. Комната тут же поплыла перед глазами вместе с голым пыльным окном, открытым чемоданом и распахнутыми лаковыми дверцами убогого шифоньерчика. В этом калейдоскопе промелькнул и диван-развалюха с продранной и торчащей грязными нитками зеленой обивкой. Еще секунда - и они упадут в это логово, и не будет им никакого дела до его лоснящейся непрезентабельности. И пусть, пусть... Пусть будет так...

- Доченька, возьми трубку!

Мамин голос из мобильного зазвучал так ясно и отчетливо, что они вздрогнули и остановились в своей торопящейся прелюдии. Маша выскользнула из Димкиных рук, нашла глазами исходящий судорогой мобильник, направилась к нему, как сомнамбула, лихорадочно поправляя на себе одежду. Уже схватив аппарат в ладонь, пришла в себя, виновато обернулась к Димону и расхохоталась, наблюдая, как он дрожащими пальцами вталкивает пуговицы рубашки в дырочки. Ничего себе, самостоятельные ребята! Так перепугались, будто их в парке на скамейке застучали...

- Да, мамочка! - продолжая смеяться, весело крикнула она в трубку. - Слушаю тебя!

- Ну, и как ты там, доченька?

Мамин голос прозвучал с отчаянным надрывом. Авось обойдется.

- Да все у нас хорошо, мамочка!

- А что вы сейчас делаете? Чем занимаетесь?

Нет, пожалуй, не обойдется. Хотя, может, и обошлось бы, если б не стоял за обыденным вопросом этот мамин надрыв.

- Да ничего особенного в принципе... Так, благоустроиваемся...

- Там, наверное, все запущено, да? Может, я приеду, тебе помогу? Наверняка надо и окна помыть, и кухню в божеский вид привести...

- Не надо, мамочка. Я все сама сделаю.

- А чем вы будете ужинать? Вы что-нибудь купили на ужин?

Маша набрала полную грудь воздуха, закатила глаза к потолку, помолчала немного. Нарочито спокойно произнесла в трубку:

- Да. Купили, мамочка.

- А что вы купили?

- Мы купили колбасу, яйца и сыр. Все? Ты удовлетворена?

- Ну что ты на меня злишься, Машенька? Я же просто так спрашиваю... Я же беспокоюсь о тебе...

- А не надо обо мне беспокоиться, мам! Надо радоваться, что у меня все хорошо, а вовсе не беспокоиться!

- Да, да, конечно... Ты извини меня. Я чего звоню-то... В общем, я тебя с Димой к ужину жду. Я голубцы приготовила, твои любимые. И шарлотку. Такая вкусная получилась... Я туда к яблокам еще и бананы, и киви добавила... Во сколько вас ждать? Я думаю, часам к семи.

- Мам, да мы не планировали... Нам тут еще разбираться надо...

- Маша, но я же готовила! Как тебе не стыдно? Я для кого старалась, для себя, что ли?

- Так папа...

- Ты же знаешь, папа в командировке. В общем, я вас жду к семи.

- Мам... Это что, приказ?

- Ну почему, доченька? Зачем ты так...

- А как, мам? Ты даже не спрашиваешь, ты безапелляционно заявляешь! И вообще давай с тобой договоримся, что ты не будешь меня больше контролировать! Я ушла, понимаешь? Уш-ла!

- Маш, ты чего... Вовсе я тебя не контролирую... Я просто в гости... Чтобы ты голодной не осталась...

- Нет, контролируешь! А я не хочу, понимаешь? Я очень тебя люблю, но я буду сама распоряжаться своим временем, ладно? Сама! Извини меня, мамочка! Все, пока!

Маша с силой вдавила кнопку отбоя в туловище телефона, отбросила его сердито на стол, обернулась к Димке. Он стоял на прежнем месте, в застегнутой на все пуговицы рубашке, смотрел на нее со строгим недоумением.

- Зачем ты с ней так, Машк?

- А как?

- Ну... Сурово слишком...

- А чего она меня контролирует?

- Да ладно тебе... Подумаешь, на ужин позвала! Ну, и пошли бы...

- Да господи, ну как ты не понимаешь, Димк! Она же... Она не просто ужинать зовет, она этим самым напоминает мне, что я сама этот ужин ни за что приготовить не сумею!

– И что, и правда не сумеешь?

– Почему? Яичницу с колбасой я совершенно точно приготовить смогу! А завтра в Интернете посмотрю, ладно? И я учиться буду. А потом приготовлю сама что-нибудь эдакое из ряда вон и родителей в гости приглашу!

– А что, давай... А я своих приглашу. Устроим что-то вроде семейного ужина-знакомства. Идет?

– Идет...

– Ну, вот и договорились. Успокойся. А сейчас иди сюда, я тебе что-то скажу...

Маша с радостной готовностью потянулась навстречу протянутым Димкиным рукам, но в следующую секунду взгляд ее уперся в неприглядно лоснящуюся обивку дивана, и личико тут же приняло озадаченное выражение, глаза начали торопливо шнырять по комнате. Господи, где же он? Где-то был пакет с постельным бельем – мама сунула его ей в руки в последний момент... Ах да, вот же он, за дверью...

* * *

Таня нажала на кнопку отбоя, равнодушно уставилась в немой экран телевизора. Надо бы прибавить звук, хороший фильм идет. С любимой актрисой Гундаревой. Хотя зачем его прибавлять – она эти реплики давно наизусть знает... Вот героиня тяжело смотрит в глаза своему мужу Басилашвили, потом подходит к окну и говорит грустно: «Никому я не нужна...»

Вот и она теперь – никому не нужна. Ни-ко-му. Квартирная чисто-благоустроенная тишина давит, стынут голубцы на кухне, и даже из открытой настежь балконной двери не доносится ни единого звука. Тихий район, тихий зеленый двор. Рай для уютного семейного гнездышка. И само семейное гнездышко – как произведение дизайнерского искусства. Все в доме есть – живи, не хочу. Раньше бы сказали – полная чаша. Будь она теперь проклята, эта чаша...

Глаза тут же предательски заволокло слезами, и пришлось поднять голову и сглотнуть их в себя. Хотя – зачем их глотать? Все равно ж ее никто не видит.

Одна. Совсем одна. Так что пусть себе текут на здоровье.

Взгляд от слез стал пронзительно-резким, и выпукло обозначились родные лица на фотографиях, которые она с любовью пристраивала в красивые рамки. Вся стена – в фотографиях. Красиво. Вот они всей семьей на лыжном курорте в Альпах – они с Сергеем в обнимку скромно пристроились на заднем плане, а впереди на горных лыжах – Маша с Данькой. Такая вот демонстрация своих детей как главное жизненное достижение. Смотрите все. Завидуйте. Вот Машина фотография – личико озорное, торжествующее. В руке, поднятой над головой, – то ли диплом какой-то, то ли грамота. Она тогда на олимпиаде по химии победила, это в восьмом классе было. А вот Данечка. Хмурый, серьезный, весь в себе. У него никогда на лице и тени торжества не бывает. Вообще ни одной эмоции не проскальзывает. Хотя, наверное, юным гениям так и положено, чтобы без эмоций. Чтобы все в себе. Господи, как же она по нему соскучилась, по своему Данечке! Хоть бы одним глазком на него взглянуть...

Таня опустила глаза, и слезы покатались по щекам. Действительно, пусть текут. Может она хоть раз в жизни поплакать от разлуки с сыном? И это ничего, что она слово давала, что плакать не будет. Что – слово? Его же к материнскому сердцу замком не приделаешь. Жалко, жалко Данечку... И себя жалко...

Тихо всхлипнув, она испустила горький вздох, смахнула слезы со щек ладонями. И будто сразу легче стало. Будто кто умный и мудрый посмотрел на нее со стороны насмешливо – эх ты, мать-дуреха! Тебе от счастья плясать, да радоваться надо, да бога благодарить всячески, что он твое дитя в макушку поцеловал! А ты жалостливые сопли распустила. Не у всех матерей дети талантливыми рождаются. С абсолютно художественным восприятием мира. С трехлетнего возраста Данькины рисунки по европейским выставкам гуляют, и письма из разных фондов приходили, и все в один голос твердят: у мальчика, мол, вашего уникальные способности, их развивать надо. Кто ж спорит – действительно, надо. Можно было и здесь их развивать, в этом городе. У них тоже художественная школа есть. Не такого уровня, конечно, как в Питере, но все же... Зачем было обязательно в Питер мальчишку отправлять? Никуда его талант не денется, так или иначе все равно поступит в свое Мухинское...

Да, зря она тогда на эту авантюру согласилась. Надо было до последнего вдоха сопротивляться. В конце концов, мать она или кто? Нет, оно понятно, конечно, что там бабушка с дедушкой, то есть свекровь со свекром, и они рады-радехоньки оказались такому подарку. Еще бы – есть себя куда приложить.

Свекровь теперь в ту художественную школу при Мухинском училище, где Данечка учится, как мать-императрица заходит. Интересуется успехами внука. И даже систему питания для него свою придумала, которая тяжесть нагрузок снижает. По-особенному сбалансированную. Свекра, бывшего генерала, каждое утро на рынок за свежими овощами и мясом гоняет. А тот и рад стараться – бежит... В общем, прихватизировали Даньку к себе в собственность и счастливы. А она теперь – как хочешь. Только вот интересно – где же вы в те времена были, собственники-прихватизаторы, когда ее, беременную Машкой, даже на порог своей генеральской квартиры не пустили? Когда родному сыну условия ставили – или родители, или жена-провинциалка? А с каким гордым остервенением сопротивлялись потом рождению Даньки, если вспомнить?

Хотя – чего вспоминать... Было и былшем поросло. Все вопросы давно заданы, и ответы на них давно получены. И примирение было, и признание, и прощение. Да и чего бы не признать? Семья-то у них с Сергеем получилась – дай бог каждому. А насчет прощения... Очень уж хотелось Сергею с родителями помириться! Вот и пришлось себя переломить... И зря! Если бы и дальше жила с обиженной миной (полное право имела, между прочим!), то и Данечку бы не пришлось отдавать. А теперь получается, что свекровь ей по-своему отомстила. То есть через годы сына себе компенсировала. В лице внука.

Поначалу, когда Даньку в Питер увезли, она чуть ли не каждую неделю к нему моталась. Пока не состоялся тот памятный разговор на кухне большой генеральской квартиры в Соляном переулке. Она тогда без звонка приехала, просто нарисовалась в дверях, проглотив недовольное, скрытое за вежливой улыбкой удивление генеральши-свекрови. Даже имя у нее было генеральское – Аделаида Станиславовна. Такое сразу и не выговоришь. А пока выговариваешь, спина сама собой по-солдатски напрягается, и глаза пучатся от старания.

– ...Здравствуй, здравствуй, Танюша... Проходи на кухню, я как раз утренний кофе пью.

– А... Данечка еще дома? – пролепетала она в ее обтянутую бежевым стеганым халатом спину, торопливо стягивая с ног ботинки.

– Да бог с тобой, Танюша... – чуть повернула голову назад свекровь, продолжая шествовать по широкому коридору в сторону кухни. – У них занятия с восьми часов начинаются. И график очень плотный – с утра общеобразовательные предметы, а потом – четыре часа специальные. Да еще плюс дополнительные

занятия. У ребенка нет ни минуты свободного времени.

- Да, я понимаю...

На кухне Аделаида Станиславовна поставила перед ней чашку с кофе, подвинула поближе вазочку с печеньем, села напротив, почти ласково глянула в глаза. Однако от этой ласковости спину у нее опять свело и в горле пересохло, и пришлось торопливо пригубить густой черной жидкости и с усилием проглотить ее. Кофе свекровь пила крепкий, густой и на вкус совершенно отвратительный. Горечь, она и есть горечь. Хоть и благородно-кофейная. Напиток, предназначенный, наверное, для демонстрации отдельно взятого снобизма. Вроде того - не всем дано понять этой гурманской прелести. По крайней мере, свекровь его так и пила, демонстрируя, что именно ей уж точно сверх меры дано. Глотнув из своей чашки, произнесла с улыбкой:

- Ой, простите, Танечка, ради бога... Я же вам сахар не предложила! И сливки...

- Да ничего, Аделаида Станиславовна. Я лучше потом... Я потом кофе попью. А сейчас я лучше к Данечке в школу сбегаю.

- Это еще зачем? - настороженно подняла криво подмалеванную коричневым карандашом бровь Аделаида Станиславовна. - Вы что, будете его с урока вызывать? Или как вы себе это представляете?

- Ну почему, с урока... Я звонка дождусь, чтоб на переменке...

Свекровь медленно опустила бровь, так же медленно произвела очередной глоток кофе. Потом уставилась в нее долгим взглядом - таким же противно горьким, как благородный напиток без плебейского добавления сливок и сахара. А вздохнув, решительно проговорила:

- Что ж, Танюша... Я давно с вами хотела поговорить на эту тему, да все как-то не решалась. Думала, вы сами для себя все правильно определите.

- А что случилось, Аделаида Станиславовна? Что-то не так с Данечкой?

– Нет. С Даниилом как раз все в порядке. Можно сказать, в совершеннейшем порядке, и даже более того.

– А... Что же тогда?

– Ну, как бы вам это сказать, чтобы вы меня правильно поняли... В общем... Понимаете, мальчик же сейчас весь в творчестве... У него с поступлением в художественную школу совершенно поменялась концепция жизни! Уже совершенно другой контекст... Он сейчас испытывает колоссальные нагрузки, и это очень даже хорошо, и это ему сейчас необходимо, понимаете?

– Да, конечно, Аделаида Станиславовна... Конечно же, я все понимаю!

– А если понимаете, то... Вы бы как-то не мешали ему, Танечка... Ведь вы же своими приездами явно ему мешаете!

– Я?! Я мешаю?

– Конечно, мешаете! Вырываете из контекста, из настроения, из творческой духовной сосредоточенности. У него и так сейчас нагрузок много, а вы своим приездом ему еще одну нагрузку устраиваете.

– Постойте, Аделаида Станиславовна, что-то я вас не совсем понимаю. Вы хотите сказать, то общение с матерью для ребенка – это дополнительная нагрузка?

– Да. В данном конкретном случае я полагаю, что именно так и есть.

– Да? А я всегда считала, что все совсем наоборот...

– Я еще раз подчеркиваю, в данном конкретном случае так и есть! Не надо к нему ездить так часто, Танечка! Ведь вы же не враг своему сыну, правда?

– Но как же, простите... Я же мать, я же скучаю...

– А если вы мать, то и тем более понять должны. Надо быть выше своей эгоистической перинатальной привязанности, надо вовремя отпустить от себя, оторвать с болью, но во благо... Не надо его лишней раз волновать, Танечка! И

не надо к нему ездить! Ну зачем вы здесь, сами подумайте? Бытовые вопросы для Даниила отлично устроены, мы с Петром Кириллычем полностью себя этим вопросам посвящаем, так что давайте-ка совместными усилиями расчистим путь дарованию... Через два года он поступит в Мухинское, а там... Кто знает, что его дальше ждет, Танечка? Не будем, не будем загадывать...

Аделаида Станиславовна мечтательно закатила чуть выпуклые глаза к потолку и замолчала на полувдохе, умильно улыбаясь. Потом, будто спохватившись, придала лицу обычное надменное выражение и снисходительно-выжидающе уставилась на Таню.

- Так я полагаю, вы меня правильно поняли, Танечка? Не обижаетесь?

- Нет. Не обижаюсь. Понять-то я поняла вас, конечно, только не знаю теперь, как мне дальше жить... Не понимаю - как...

- Да боже ты мой, Танечка! Да вы же только радоваться должны!

Свекровь вдруг коротко всплеснула сухими ладонями и даже чуть подпрыгнула на стуле, будто обрадовавшись, что разговор обошелся одной лишь Таниной подавленностью. И в самом деле - другая могла бы и в рожу плюнуть за такие дела.

- Чему - радоваться? - не поднимая глаз от чашки, на дне которой болталась недопитая ею черная жидкость, с трудом проговорила Таня. - Тому, что вы у меня сына отняли?

- Ой, да при чем тут отняли, Танечка! Как же вы все видите, оказывается, однобоко... А у вас для радости, между прочим, существует масса обстоятельств! И сын у вас талантливый, и дочка не самая плохая, и муж у вас такой, что дай бог каждой женщине... Чего же еще?

И опять она молча перенесла явное небрежение в ее тоне. Вот интересно, она все это искренне говорит, или стоит за ее словами, за тоном нарочито издевательская подоплека? Хотя скорее всего - искренне. Она и раньше совершенно искренне, по всем духовным и материальным ипостасям отделяла от нее своего сына, и сейчас, стало быть, таким вот способом отделяет. Вроде того - помни, как тебе, дурочке, в жизни свезло! Никто и не спорит - свезло,

конечно... А только не объяснишь же этой надменной старушенции, что не бывает отдельно взятого хорошего мужа и отдельно взятой жены-дурочки, а бывает только общее состояние – любовь, семья, счастье... Разве ей это докажешь? И стараться не стоит, все равно не поймет. Особенно про любовь.

А какая у них тогда вспыхнула любовь – только они одни знают! Можно сказать, необъяснимая. Совершенно нелогичная. Такой парень, как Сергей, и близко в ее мечтах не укладывался. Красивый, как киноартист, отлично сложенный, умный, интеллигентный, да еще и присутствующие в себе замечательные эти человеческие качества прекрасно сознающий. То есть цену себе знающий. (Отчего ее не знать-то, коли она есть?) В общем, не парень, а чистый образчик сыто-благородного генеральского воспитания, которое хоть и лезет из всех дыр, но лезет совершенно ненавязчиво. Говорил Сергей не громко, но голову держал высоко, улыбался, но не скалился, постоянно шутил, но без хамства, а очень даже смешно. Вокруг таких парней всегда волей-неволей тусовка образуется, и он в ней – безусловный лидер. Вот и она тогда сразу оказалась в такой тусовке – тянуло ее к этому парню как к магниту. Просто тянуло, и все. Без всяких мечтаний и задних мыслей. Их, первокурсников, тогда на картошку в сентябре отправили, и она все норовила поближе к нему держаться и глазами его поневоле искала, и непрошенная улыбка сама собой появлялась на ее лице. А уж когда он приобнял ее ненароком по-дружески – вообще чуть в обморок не свалилась, то ли от счастья, то ли от неожиданности. Дернулась в его руках, как овца, и застыла столбом. Он тогда руки убрал, посмотрел на нее удивленно. Вернее, вообще первый раз посмотрел, если видеть за этим словом проявление мужского интереса. А потом – пошли-поехали, закружились вечера-прогулки об руку с этим интересом, и на фоне деревенской осенней пасторали само собой их вырулило, как сейчас говорят, на интимную близость. Ни о чем она тогда, на той осенней картошке, не думала. Не боялась, не остерегалась. И не потому, что легкомысленная была. Мать, помнится, чуть ли не с тринадцати лет все пугала для профилактики – принесешь, мол, в подоле, домой не пушу, и не надейся... Да у нее и у самой мыслей относительно подола в голове и близко не было. Мысли, наоборот, на высшее образование были нацелены, на карьеру, на «крепко встать на ноги», а уж потом... И вот – ее величество любовь взяла и нагрнула. Нечаянно и бесповоротно. Она и сама тогда себя не понимала и не хотела понимать. Просто любила, и все. Даже каким-то кощунством казалось – тратить свою огромную любовь на страх, на осторожность, на объяснения про особенности своего девчачьего организма.

Правда, когда эти «особенности» после приезда с картошки напрочь исчезли, она испугалась не на шутку. И любовь в ней не то чтобы приутихла, но

остепенилась немного. И материнские угрозы сразу вспомнились, встали за спиной грядущей реальностью. И мыслишка спасительная в голове промелькнула – может, сбегать потихоньку на аборт, и все дела? И чтоб Сережа не знал?

Однако на такое вероломство она как-то не решилась. Долго думала, мучилась, потом бухнула ему прямо в лоб – что теперь делать-то будем? А он лишь плечами пожал, улыбнулся во все лицо и произнес какую-то глупость вроде того, что утреннюю лекцию по сопромату теперь пропустить придется, поскольку с утра надо обязательно успеть до загса добежать. Совершенно обыденно произнес, будто только и ждал этого ее сообщения и наконец дождался. На следующее утро они и впрямь туда сбегали, подали заявление на регистрацию брака. Потом комнатку сняли, Сережа туда из родительского дома свои вещи перевез. Самих родителей она тогда так и не увидела. И даже спрашивать о них не пыталась. Так по Сережиному лицу и поняла, что лучше не спрашивать. Слишком уж лицо у него было – одухотворенное борьбой за право выбора. А в такую борьбу ей как нежеланной невестке лучше и не вступать...

Конечно, жилось им ужасно трудно. Особенно, когда Машка родилась. Бедно, голодно, холодно. Но – любовь же была! А с ней все – легко. Пеленки, недосыпание, овсянка на обед – легко! И никакой усталости нет, ни ропота, когда знаешь, что любимый мужчина бежит после институтских лекций домой, запыхавшись, и ждешь его взахлеб и тоже – запыхавшись. Так в этой суете и вторая беременность случилась, заставив ее окончательно забыть об учебе. И забыла. Легко! На фоне любви – все легко. А какая ж любовь без детей? Так что все, можно сказать, было по плану...

А потом они по распределению уехали в этот город. Сережа так решил. Генеральские родители к тому времени уже и знамена войны опустили, то есть согласны были и на невестку-провинциалку, и на Машу с Данечкой, и на полный и безоговорочный сыновний суверенитет. Но Сережа так решил – и точка. Сам свою жизнь построить захотел, с нуля.

Сначала им здесь комнату в коммуналке дали, с кухней в конце коридора, с облезлой штукатуркой, но зато с лепниной на потолке. Зашли – испугались. Вернее, она испугалась. А Сережа – встrepенулcя только. Засучил рукава, подсуетился со скорым ремонтом, и заиграла комната! Солнечная оказалась, светлая. С дубовым паркетом, с белым балкончиком, с нечеловеческой звукоизоляцией. Закроешь окно, и будто в собственном царстве оказываешься.

Ни шума с улицы, ни соседской брани не проникает. Пусть маленькое, но свое царство любви. Не жизнь, а сплошное счастье.

А плюсом к этому счастью они за сущие копейки купили дом-развалюху за городом, в очень красивом месте. Как Сережа сказал – будущий дачный клондайк. И ведь прав оказался! Видимо, способность в него такая природой заложена – всегда вперед заглядывать. Со временем в этом местечке большое строительство развернулось, свеженькие коттеджи выросли как грибы после дождя. И их дом получился не хуже. Она на участке настоящее парниковое хозяйство развела, научилась заготовки делать, банки с огурчиками, помидорчиками получались – произведение искусства. На грядках – свежая зелень к столу, овощи-кабачки всякие, около дома – цветы. А в доме как хорошо! Все есть – газ, отопление, воздух свежий. Машка со своим мальчиком вполне бы смогла там жить, если уж ей так приспичило... А она бы приезжала к ним, обеды готовила, убирала-стирала... Нет-нет, оно понятно, конечно, что им тоже хочется на свою территорию, в свое маленькое царство, и чтоб никто не мешал, и пограничные столбы вокруг него выставить. Это все ей очень даже понятно. А только... ей-то куда теперь деваться? Она что теперь, там, за столбами, жить будет? Вход в царство любви посторонним заказан? Но разве мать – посторонняя?

Обидные вопросы рождались один за другим. Даже сидеть в уютном кресле стало не вмоготу. Действительно, надо встать, заняться чем-нибудь, работу себе придумать. Вон, зеркало в прихожей (она в прошлый раз для себя отметила) как следует не блестит. Зайдешь в квартиру – сразу видно, что давно не мыто. Непорядок. Вот тебе и заделье нашлось, хозяйюшка...

Она долго рассматривала себя в зеркале со всех сторон, прежде чем приступить к придуманному заделью. Будто посторонним глазом рассматривала. Чужим и непредвзятым. И даже слова попыталась к своему женскому портрету подобрать. Ну, не красавица, это и так понятно. Она сроду красавицей не была. Но и не убогенькая замухрышка! Фигура, конечно, расплылась немного, но статность осталась. Спина прямая, шея крепкая, плечи округлые назад смотрят. А грудь – вперед. И в глазах бодрый блеск с годами не иссяк, и кожа на лице гладкая, безмятежная, без ярко выраженных астенических морщин. Сразу видно, что она не хрупкий цветочек, а женщина-хозяйка. Говорят, что все мужчины делят женщин на две категории – цветы и хозяйки. Вот и она – чистая хозяйка в этой градации. Дом-семья, дети-заботы, грядки-помидоры сделали свое дело и с лицом, и с фигурой. С годами все это женское хозяйство, как

говорится, заматерело, зато и не скукожилось. Хотя, если ее в салон отправить, да потом в спортзал с бассейном, да прибрать, да обиходить, да прислонить в тихом месте к теплой стенке... И материальные возможности вроде имеются...

Нет. Если честно, то неохота ей этой ерундой заниматься. Она себе и такой нравится. Разве что для дела... В том смысле, чтобы Сергей на сторону смотреть не соблазнился... Может, и впрямь, взять да и заняться собой? А что? Приходит он, к примеру, с работы, она его встречает – расфуфыренная вся! Нет, лучше не так... Приходит он с работы, а на столе записочка лежит: не жди меня, милый, я в салоне задержусь, потом к массажисту рвану, потом в спортзал, а ты, милый, ужинай сам чем бог послал. То-то он удивится! И очень даже нехорошо, наверное, удивится. Да она и сама наверняка не сможет в том спортзале тренажеры тягать, зная, что он дома один сидит, голодный, удивленный и усталый.

Но, с другой стороны, надо же что-то делать с этой тревожной ситуацией, нельзя же внутри себя все носить, как назревающую болезнь! А может, ничего и не делать? Может, все на самотек пустить? Ну, появилась у любимого мужа юная пассия, и что? Наверное, время у него такое пришло, особенное, мужицкое. Наверное, и ей надо отнестись в этому времени с пониманием и женской мудростью. Надо. Конечно же, надо. Наверное, и отнеслась бы, если б Машка своим уходом ее из колеи не выбила. Эгоистка. Даже слушать не захотела...

А интересно, та, которая молодая соперница, она кто? Хозяйка или цветок? Скорее всего, цветок. Слишком уж имя к нежной цветочной жизни располагает – Диана. И почему-то сразу вспоминается, как артист Караченцов, нарядившись в смешные штаны с бантами и лентами, распевал под балконом торопливым фальцетом: «...венец творенья, дивная Диа-а-на-а-а...» А больше ни с чем и не ассоциируется. Когда Сережина секретарша Людочка сказала ей по телефону как бы между прочим, что шеф принял на работу помощницу по имени Диана, она засмеялась и тут же эту киношную фразочку и пропела, представив мужа на месте Караченцова. И невдомек ей было, что смеяться тут как раз и не над чем. Тут плакать надо, а не смеяться. Потому что не прошло и месяца, как Сережа с этим венцом творенья укатил в командировку на целую неделю. И вроде не придерешься – она ж, эта Диана, не просто так посторонняя девушка, она ж помощница! Значит, помогать должна ему там, в командировке. А с другой стороны – куда свою женскую интуицию деть? Она ж криком кричит, спать по ночам не дает. Потому что любящую женщину, ее ж не обманешь. Она предательство душой слышит, нюхом чует. Нет, не обманешь...

Зеркало в прихожей давно уже сияло чистотой, а она все терла и терла его, будто хотела смыть заодно и грустные мысли. Потом решительно отбросила тряпку, быстро прошагала в комнату, порыскала глазами в поисках телефона. Да вот он, так и остался лежать на подлокотнике кресла после разговора с Машкой. Сейчас она услышит Сережин голос и успокоится наконец...

- Да, Тань. Слушаю. Говори быстрее. Я занят.

Голос мужа прозвучал деловито, и сухо, и, как ей показалось, очень даже недовольно. Зря позвонила. Не утерпела. Конечно же, он занят. А с другой стороны - чем, простите? Или кем?

- Ну? Что там у тебя, Тань? Что-то срочное?

- Да нет, ничего особенного... Машка вот ушла...

- Куда - ушла?

- Ну, жить к тому мальчику, к Диме. Ты его видел. Ты еще сказал, что он тебе понравился. Помнишь? А еще у меня машина сломалась, Сереж... Так и стоит в гараже на даче...

Сергей слушал, молчал, чуть сопел в трубку. Удивлялся, наверное. Потому что у них раз и навсегда взаимно и без обид было договорено - в рабочее время она его по пустякам не беспокоит. Потому что делу - время. Хотя какие обстоятельства относить к этим «пустякам», как раз оговорено и не было. Допустим, что машина - действительно пустяки. А Машка? Она что - тоже пустяки?

- Тань... Давай об этом завтра поговорим, ладно? Нет, не завтра... Послезавтра. Послезавтра я уже точно приеду. А сейчас я действительно занят. Извини.

В трубке слышались короткие гудки. Да, она все услышала. Занят, значит. Понятно. И кем занят - тоже понятно. И откуда только тебя принесло в нашу налаженную жизнь, венец творенья, дивная Диана?

* * *

- Машк, а все-таки зря ты так с матерью... Родаков обижать нельзя, они ж переживают потом...

Димка приподнял с подушки ее голову, повернул к себе, провел сильной короткопалой ладонью по щеке. Ладонь была большая, шероховатая и такая уютная, что захотелось помурлыкать, потянуться за ней по-кошачьи. Конечно, он прав, зря она с мамой такие строгости развела. Эгоистка несчастная. Надо было как-то помягче, что ли.

- Да я все понимаю, Димк... Зря, конечно. А с другой стороны - как иначе? Иначе она меня во взрослую жизнь просто не пустит. Знаешь, как она меня любит?

- Так все своих детей любят... И тем не менее когда-нибудь от себя отпускают.

- Вот именно - когда-нибудь! А некоторые всю жизнь кладут, чтобы вообще не отпустить. Вот у мамы подруга есть, тетя Света, так она за своего сына знаешь как борется? Зачем, говорит, я его рожала в муках да одна без мужа воспитывала? Чтобы какой-нибудь лахудре подарок сделать? Я, говорит, не благотворительница, я сама бедная и несчастная...

- Да дура твоя тетя Света.

- Ну что ты сердишься, Димк? И вовсе она не дура. Просто она все жизненные силы на выживание потратила, на женскую мудрость уже ничего не осталось. Не знаешь человека, а говоришь...

- Ну да. Оправдание всегда найти можно. Мои родки тоже всю жизнь только и делали, что выживали. То перестройка, то дефолт, то еще какая-нибудь хрень их настигала. И отец, бывало, месяцами без работы сидел, и мать...

- Да-а-а? А по внешнему виду и не скажешь...

- Так они только недавно, между прочим, хорошо жить начали. Мать себе первую шубу в сорок пять лет купила. Пришла домой, встала у зеркала и заплакала. Все-таки материальное благополучие для семьи - вещь необходимая.

– Не знаю... Наверное. У нас с этим всегда полный порядок был. Папа работал, мама домом занималась...

– Значит, повезло твоей маме с мужем. А мои, я помню, так из-за этих денег ругались, такой ор в доме стоял! Отец-то помалкивал в основном, а мама... И подкаблучником его называла, и бедоносцем, и неудачником... Я, когда маленький был, слушал ее и думал – никогда на такой не женюсь! Чтоб так из-за денег убиваться! Отец же не виноват был, что ему государство зарплату нищенскую платило!

– А кем он работал?

– Мастером на заводе... А потом, в перестройку, завод какой-то нахал приватизировал, и зарплату вообще платить перестали. Ну скажи, в чем он виноват?

– Да ни в чем... А только мой папа, например, никогда ни на кого не надеялся. Ни на государство, ни на доброго хозяина. Он сам этим хозяином стал.

– Машк, так все же люди разные! Чего ты сравниваешь? Одним дано, другим – ни капельки. Когда мать бизнесом занялась, он вообще, я помню, семейную забастовку устроил. Мне, говорит, противно быть мелким лавочником, и все тут. Чуть ли не с лозунгом ее в дверях встречал – пролетарии всех стран, объединяйтесь. А потом ничего, по привычке, смирился. И тоже потихоньку в дело вошел, почувствовал вкус достатка.

– А чем они у тебя занимаются?

– Ой, да это долгая история...

– Ну, расскажи!

– А тебе правда интересно?

– Конечно, интересно! Мне все, что тебя касается, ужасно интересно.

– Ну, в общем... Лет пять назад это было. Мать пришла с работы, разделась, села за стол и заявила, что взяла кредит в банке и купила блинную. Это фургончик такой, специально оборудованный, типа ларька.

– Ага, я видела. Такой у нашей школы стоял. И на вокзале.

– Ну, вот... С тех пор у нас и началась капиталистическая трудовая жизнь. Хочешь не хочешь, а вертись! Настоящая потогонная система. Все по минутам было расписано! Вставали в пять утра, на своей домашней кухне готовили тесто для блинов в огромной такой кастрюле, начинки всякие. Потом все это на себе в блинную перли – машины ж тогда еще не было... Помню, отец тащит эту кастрюлю и все по сторонам оглядывается – не видят ли его знакомые. Дотащит до блинной – и бежать! Мать ругнется ему вслед, плюнет и к плите встает, а бабушка покупателей обслуживает. С утра и до позднего вечера. Я после школы приходил, бабушку домой отпускал. И тоже страшно боялся, что меня кто-нибудь из наших застукает... Один раз и правда – застукали.

– И что?

– Да ничего! Психанул я, конечно, фартук с себя срывать начал. А мать посмотрела на меня так, знаешь... Отчаянно как-то. Ты, говорит, сынок, не дрейфь! А если смеяться будут – в морду давай. Ты, говорит, гордиться должен, что сам свой хлеб зарабатываешь и матери помогаешь. А потом задрожала губами и добавила: хоть ты меня не бросай, сынок...

– И ты не ушел?

– Не-а. Не ушел. Полгода мы так поторговали и как-то незаметно кредит за блинную выплатили. Дело-то выгодное. Там разница между себестоимостью продукта и продажной ценой – о-го-го какая. Правда, на электроэнергию много расходов, на взятки, на крыши всякие... Но все равно – выгодно. А потом и отец одумался, стыдно ему стало копеечную зарплату в дом приносить. Потом еще одну блинную прикупили... В общем, мать настоящей коммерсанткой оказалась. Можно сказать, талантливой.

– Что ж, молодец...

– Конечно, молодец! В блинных теперь наемная сила трудится, а у матери с отцом новая жизнь началась. В достатке, любви и согласии. Только приоритеты личностей поменялись.

– Не поняла... Какие приоритеты?

– Ну, как бы тебе объяснить... Понимаешь, у меня же мать совсем простая тетка, у нее даже полного среднего образования нет. Восемилетка деревенская за плечами, и все. Она со всеми на «ты» разговаривает, и водки запросто может накатить, и частушку похабную спеть. А отец – он такой... с претензиями на интеллект, с институтским дипломом. Вот и получается, что материна простота больше в жизни пригодилась, чем отцовские претензии.

– Да уж... Действительно...

– Машк, да ты и сама все увидишь, чего я тебе рассказываю! Мы ж договорились, что будем родаков знакомить! Только ты предупреди своих, что моя маман может какой-нибудь простецкий прикол выдать, ладно? Она ж у меня такая...

– Ладно. Предупрежу. Только и ты своих предупреди, что у меня папа только на вид суровый. Чтоб они сразу не пугались. А на самом деле он классный. Да ты и сам знаешь!

– Да. Отец у тебя действительно мужик серьезный. Так ты ж говорила, он в командировке! Мы что, без него будем званый вечер проводить?

– Слушай, а это мысль, между прочим... Давай-ка для начала одну мою маму позовем, пока он в командировке. Будем действовать поэтапно. А то страшновато как-то. Слишком уж они разные, наши родители...

* * *

Диана пошла к окну, открыла форточку, потом уселась на широкий подоконник, красиво расположив по нему длинные безупречные ноги, сунула в рот сигарету, нервно защелкала зажигалкой. Она вся была такая – немного нервная. Во всех ее телодвижениях сквозило угловатое напряжение – и в резких поворотах головы, и в манере сжимать и разжимать пальцы, и в быстром скользющем,

будто вороватом взгляде. Вот и сейчас повернула голову, посмотрела на него, как на пришлого чужака, случайно оказавшегося в ее номере. Будто не лежала только что рядом, не обнимала горячо и порывисто.

- Зачем куришь, дурочка? Привыкнешь - потом трудно бросать будет.

- Нет. Мне не трудно. Я умею собой владеть. Захочу, прямо сейчас брошу. А твоя жена что, вообще не курит?

- Нет.

- Положительная, да?

Сергей усмехнулся, ничего не ответил, продолжая ее разглядывать. Странная какая девчонка. Совсем непонятная. Сама на работу напросилась, сама ему себя предложила, сама теперь сердится непонятно на что. Наверное, они все сейчас такие - не сидят, не ждут на печи суженого как милости от природы. Сами берут приступом того, кого считают нужным. Ну казалось бы - он-то ей зачем? Какой с него прок? Не для постельных же утех только? Эти утехы она бы и с молодым пацаном нашла, и не исключено, что лучшего качества. Нет, его мужицкому самолюбию все это ужасно льстит, конечно, но все равно - есть, есть тут какой-то подвох...

- И ты, значит, весь из себя положительный? Так надо полагать?

- Да. И я положительный. Если хочешь правду, я впервые своей жене изменяю. С тобой.

- Иди ты...

Диана резко повернула к нему голову, так, что светлые перышки волос на секунду нимбом взлетели над головой, сильно затянулась сигаретой.

- Что, правда?

- Правда. Зачем мне тебе врать?

– А знаешь, как таких мужиков называют? Которые своим женам никогда не изменяют?

– Знаю. Кретинами их называют. А еще – занудами. Только я не зануда и не кретин, у меня жизненная установка такая.

– Ух ты! Слова-то какие. Установка...

– Да. Установка. Я люблю во всем честность, правду и основательность. Чтобы все было крепко, надежно и именно основательно. Надежная семья, дом-крепость, работа в радость. Что в этом плохого?

– Нет. Ничего плохого, конечно. Только скучно, наверное.

– Мне не скучно. Когда знаешь, ради чего живешь, скучно не бывает.

– А ради чего ты живешь?

– Глупый вопрос... Я живу для своей семьи, для своих детей. Когда растишь детей, скучать некогда. Дети – это твое будущее, это вложение твоих земных трудов. И даже больше – это смысл твоих земных трудов. Разве этого мало?

– Так у тебя же дочь сегодня из дома ушла! Ты же сам говорил!

– Ну, с этим я еще разберусь, когда приеду...

– Да ладно! Ничего ты не разберешься! Ушла и ушла, и тебя не спросила. И нормально, что ушла. Все дети когда-нибудь из дома уходят. И что? Теперь ты ради чего жить станешь?

Вот же поганка какая, прямо ниже пояса вдарила! И вообще, чего это он с ней разоткровенничался? Надо прекращать этот глупый разговор – совсем распоясалась девчонка.

– Да ладно, не суетись начальственной сердитостью, чего ты... Вон как нахмурился, аж страшно стало. И не обижайся – я ж тебе теперь не чужая. Я теперь твоя юная любовница, и ты на меня умиляться должен, а не брови

хмурить.

Диана живо сползла с подоконника, на цыпочках пробежала по гостиничному ковру, на ходу торопливо расстегивая пуговицы рубашки, клубочком юркнула под одеяло. Тонкими руками обвила за шею, сунулась холодным носом в предплечье. Сердце тут же дрогнуло, захотелось сжать ее в руках грубо, с нечеловеческой силой, чтобы захрустели тонкие косточки, и зарычать зверем, и захватить в собственность всю, целиком, без остатка – моё...

...И снова они лежали рядом, опустошенные, глухие и немые, выброшенные волной накатившей и отхлынувшей страсти в такое же глухое и немое пространство. И хорошо, и заранее страшно, что такое больше никогда, никогда не повторится. И мысль противная, предательская стучит в голове – может, и права эта девчонка, называя его занудой и кретином? И зря, наверное, он сознательно лишал себя этих грешных удовольствий? Жизнь-то одна...

– Сереж... А хочешь, я тебе тоже ребеночка рожу?

Голос Дианы прозвучал будто из другого пространства, он поначалу и не понял, что этот ее дурацкий вопрос относится именно к нему. Никак не вписывался вопрос в его плавающее расслабленное состояние, врезался в него неприятной бесцеремонностью.

– Что, прямо сейчас будешь рожать или чуть погодишь?

Конечно, грубо это у него сейчас вышло. И слова грубые, и голос жесткий. Он кожей почувствовал, как она вся напряглась обиженно. А что делать, сама виновата! Потому что не надо лезть к мужику со всякими глупостями в такой хороший момент!

– Да ты не злись, Сереж... Чего ты все время на меня злишься?

– Я не злюсь. Просто не надо говорить глупостей. Не люблю ханжеского пустословия, понимаешь?

– А с чего ты взял, что это пустословие? Вот возьму и действительно рожу! Что ты мне, запретишь?

– Прекрати, Диана.

– ...И снова у тебя появится смысл земных трудов – нового ребеночка вырастить! Ты же сам только что мне толковал про смысл земных трудов. Вот и получится, что все труды – сначала, и смысл – сначала... Хочешь ребеночка, Сереж?

– Хватит, Диана. Уймись. Ты хорошая девочка, но ты уймись. Не бери на себя слишком много. И не обижайся.

Диана села на постели, заправила свои перышки за уши, склонила над ним свое лицо. Он глянул осторожно – не было вовсе на ее лице никакой обиженности. Наоборот, оно было открытым и улыбающимся, глаза блестели совершенно детской и чистой нахальностью. Правда, стояло за этой нахальностью еще что-то, похожее на тщательно сокрытую боль. Горестная искорка какая-то. Едва заметная.

– А что? Ты сам посмотри, что у тебя получается... Твои дети выросли и ушли, и задача исполнена, и цель достигнута. Земные труды осуществились и закончились. А дальше что? Нет, тебе определенно нужен второй круг, Сережа.

– Нет, не нужен мне второй круг. А вот поход в сортир определенно нужен. Он мне сейчас просто необходим.

Он ухмыльнулся собственной неуклюжей шутке, бодро подскочил с постели, начал натягивать спортивные штаны с лампасами. Будто без штанов не мог до сортира дойти.

– Ой, как же ты испугался, Сережа... Что, милый, я в самую точку попала, да? Ну, извини... Чем богаты, тем и рады...

Собственное сердитое лицо, когда мыл руки, глянуло на него из туалетного зеркала, и самому вдруг смешно стало. Нет, какова девчонка – такие эмоции из него вытащила! И он тоже хорош – всерьез повелся... Да пусть она лепечет о чем угодно и сколько угодно! И пусть хихикает. Действительно – отчего бы ей и не похихикать? Дело молодое, девчачье, глупое. Не стоит на нее сердиться. В конце концов, он не для этого ее с собой в командировку потащил. Хотя теперь уже и не разберешь, кто из них кого сюда потащил... Надо будет сегодня ее по магазинам отправить – пусть купит себе чего-нибудь красивое. Много-много

красивых вещей пусть купит, каких только душа пожелает.

Он бодренько вошел в комнату, неся в голове эту идею и улыбаясь от предвкушения ее радости. Диана сидела на постели в прежней позе, согнув спину и опустив низко голову. Он подошел сзади, обнял, прикоснулся губами к теплой макушке.

- Дианочка, милая... Давай с тобой раз и навсегда договоримся, что подобных разговоров мы больше вести никогда не будем... Хорошо?

- Ну, вот... Я ж говорю - ты испугался... - уныло пробормотала она, еще ниже склоняя голову. - Я что, слишком твое самолюбие задела, да? Ты прости меня, Сереж. Я понимаю, что ты очень порядочный. И как человек, и как семьянин. Ты даже суперпорядочный.

- Что ж, спасибо, милая. Приму за комплимент. Спасибо.

- Да на здоровье. А только суперпорядочность - это тоже своего рода комплекс. Он делает мужчин потенциально несчастными, он штампы на них ставит, свободно дышать не дает. Вот ты, как дурак, порядочность свою лелеешь, боишься жену огорчить, а сам...

- Диана!

- Да боишься, боишься! Только ты не очень бойся - рано или поздно это проходит. Рано или поздно любая жена превращается в священную корову. Но этот факт, к сожалению, не исключает нормальных мужских желаний, и они, в конце концов, берут верх над любой суперпорядочностью. У всех жен суперпорядочных мужиков одна участь, Сережа. Она называется - одиночество. Потому что мужчина может, и должен, и даже обязан начать все заново, и пойти по второму кругу, а женщина - нет. Ей природой не дано, бабий век короткий. Хотя некоторым теткам везет, им тоже предоставляется шанс начать заново. Но это - не то заново, это уже другое. Это всего лишь жалкая попытка не исчезнуть. И никто в этом не виноват, абсолютно никто. Это такая жизнь, Сережа...

Он сидел, слушал, по-прежнему прижимая ее к себе и боясь перебить. Странное было у него чувство - казалось, что затаилась в этом нелепом монологе чужая и взрослая боль, и что не юная Диана сейчас произносит горькие слова, а какая-то

другая, зрелая и мудрая женщина, насквозь пронзенная этой болью. Исповедуется надтреснутым голосом.

– Так что не бери с меня никаких обещаний, Сережа. Потому что, не ровен час, – и ты сам будешь меня просить, чтобы я тебе родила. Ты сам захочешь пойти по второму кругу...

Он почувствовал, как она резко вдохнула полную грудь воздуха и задержала его в себе, будто пытаюсь остановить слезы. Жалость к этой странной девчонке тут же разлилась по груди и тут же сменилась испугом – нет, не надо ему никаких женских слез, он с этой субстанцией вообще обращаться не умеет. Опыта у него нет. Наверное, от испуга и заговорил нарочито жизнерадостно:

– Девочка моя, да откуда в тебе взялась эта бабская натужная мудрость? Зачем она тебе? Не забивай голову всякими глупостями. Ты молодая, тебе еще рано туда заглядывать... Просто живи, радуйся и не говори о том, чего не знаешь.

– Нет, Сереж. К сожалению, знаю. Я все это знаю...

Она выскользнула из его рук, встала с постели, накинула на себя его рубашку, огляделась кругом.

– Куда я сигареты кинула, не помню...

– Вон, на подоконнике, – автоматически подсказал он, несколько озадаченный ее заявлением.

Диана снова красиво расположилась на подоконнике, красиво и грустно закурила. Действительно, красиво, хоть кино снимай.

– Дианочка, а... откуда? – вдруг нелепо и запоздало прозвучал его вопрос.

– Что – откуда?

– Ну... Как ты говоришь, знаешь... Откуда?

– От верблюда.

Пождав под себя колени и натянув на них рубашку, она отвернулась к окну, сильно затянулась сигаретой. Дым послушно поплыл в открытую форточку, и мысли в его голове тоже поплыли спокойные, почти уравновешенные: не хочешь больше говорить, и не надо. Нашим легче. Хочешь замкнуться на замок со своей горестной тайной – и пожалуйста. Все-таки странная, странная девчонка. Но что-то в ней есть, явно есть. Что-то очень безумно-притягательное... Хотя – чур меня, чур! Как бы и в самом деле не влюбиться, этого еще не хватало! Нет, и в самом деле... Девчонка-то совершенно права – нельзя ему было эти годы в крестинах и занудах жить. Надо было погуливать помаленьку. Так, для профилактики. Выбатывать иммунитет. Тогда бы никакая опасная влюбленность в организм не проникла...

– ...Серез, а ты меня любишь?

Он вздрогнул, мотнул головой, как конь. Наверное, как тот самый, который борозды не портит. Она что, его мысли подслушивает?

– Нет. Не люблю, конечно. С чего ты взяла?

– Не ври, Сереза...

Как она это тихо сейчас сказала, вкрадчиво. И даже головы не повернула. Стерва маленькая. Ну, значит, сейчас получишь порцию душевной обиды за свою стервозность.

– Что ж, Дианочка... Завтра пора возвращаться. Спасибо, что ты скрасила мое мужское одиночество в этой командировке. Я тебе сейчас денег дам, ты походишь по магазинам, купишь себе что-нибудь. Хочешь денег, Дианочка?

– Не-а.

Диана отвернулась от окна, посмотрела на него спокойно, чуть насмешливо. Потом подняла бровь, снова чуть усмехнулась, махнула лениво рукой.

– А впрочем, давай... А то подумаешь, что я на твое меркантильное предложение обиделась. Глупый ты какой, Сереза. Такой большой и такой одноклеточный...

* * *

– Так. Опять, значит, рыдала. Делать тебе больше нечего, что ли? О гос-с-поди... Мне бы твои заботы...

Светик закатила к потолку глаза, пошевелила губами, поводила туда-сюда стриженной головой. «Зря она так коротко стрижется, – отрешенно подумала Таня, наблюдая за выплеском тихого Светикова возмущения. – Надо бы намекнуть ей как-то поделикатнее, что в таком возрасте короткие стрижки уже не молодят, а, наоборот, обескураживают...»

– С чего ты взяла, что я рыдала? Вовсе я не рыдала.

– А почему лицо такое мутное, будто у тебя давление двести шестьдесят на сто двадцать?

– Не знаю. Может, и правда давление поднялось. Сегодня магнитную бурю обещали.

– Да ладно – бурю... Какие в твоём возрасте бури, окстись! Признавайся, чего ревела-то? Машкин уход опять оплакивала?

– Да ничего я не оплакивала! И вообще, я думаю, это ненадолго. Думаю, до первых бытовых трудностей. Она скоро вернется, вот увидишь.

– Странная ты, Танька, ей-богу... Если б я не знала тебя пятнадцать лет, подумала бы, что ты просто глупая баба, трудной жизнью затурканная. Ну, скажи, зачем тебе надо, чтоб она вернулась? Около себя сувениром держать? Ну, продержишь еще пяток лет, а дальше что? Новое горе себе выдумаешь? Что никто твою девку замуж не берет?

– А так что, лучше, да? Уйти к первому встречному в сожительницы?

– Нет. Так тоже не лучше, конечно. А с другой стороны – это и хорошо, что она с замужеством не торопится. А то сейчас, знаешь, какие девки пошли? Как увидят, что парень непьющий, некурящий, да при высшем образовании, сразу его – хватать за шиворот! – и в загс! Знаю я таких, видела...

Светик, сердито фыркнув, сделала большой глоток кофе, потом хищно прицелилась глазом в корзинку с плюшками-слоями. Выцепив самую большую, смачно хрустнула поджаристой корочкой, сунулась лицом чуть вперед, оберегая светлые брюки от мелких осыпающихся жирных крошек и выставляя на обозрение тяжелую дряблую складку второго подбородка. И снова Таня отрешенно отметила про себя – сдала, сильно сдала подруга за эти последние годы...

Дружба ее со Светиком происходила еще из той, прежней жизни. Светик была соседкой по старой квартире, незабвенной коммуналке с высокими потолками, балкончиком и лепниной на потолке. Квартиру они потом переменили, а дружба со Светиком осталась. Хотя и была она немного странной, не соответствовала общим возрастным интересам. Разница у них аж в пятнадцать лет. Но в те времена, когда жили через стенку, этой разницы как-то не ощущалось. Наверное, она замещалась бесценной и бескорыстной, а зачастую и самоотверженной Светиковой любовью-опекой, к которой она приспособила и своего сына, милого юношу Левушку. Можно сказать, что и Машка, и Данечка выросли наполовину на Светиковых и Левушкиных руках. Сережа с утра и до позднего вечера на работе пропадал, карьеру для себя и деньги для семьи зарабатывал, а она одна с двумя детьми, и разрывайся, как хочешь, между горшками, пеленками, молочной кухней и детскими болезнями. И город чужой, и помощи ждать неоткуда – ни друзей, ни знакомых...

Левушку, как Светик часто говаривала, она родила исключительно для «собственной душевной нужды». И растила его трудно, в безденежной и безмужней жизни, на фоне оптимистического «ничего, сынок, прорвемся» и «мы же вдвоем, мы справимся, еще и другим поможем». Наверное, Светикова душевная нужда в этом процессе удовлетворялась полностью, потому как отношения между матерью и сыном цвели взаимной любовью и нежной заботой. И Тане в те времена они казались до слез трогательными, пока не начали появляться одновременно с первыми Левушкиными влюбленностями и первые сомнения относительно красоты материнской и сыновней привязанности. Потому что отпускать от себя Левушку Светик категорически не собиралась, и никакие умные доводы на нее не действовали. Отскакивали, как горох от стены. Этих умных доводов Светик и сама себе могла привести тысячу, а то и две, потому что была, в сущности, женщиной совсем не глупой. Но в отношении Левушки вела себя, как хитрый больной ребенок, который послушно открывает рот, чтобы проглотить горькую микстуру, а потом ее незаметно выплевывает. Всех Левушкиных девушек Светик поочередно привечала и улыбалась им очень даже искренне, а за спиной, пока девушка купалась в ее приветях и улыбках,

уже фигу складывала. То есть как-то само собой выходило, что каждая следующая девушка оказывалась во сто крат хуже предыдущей. И не успевала она, бедная, опомниться, как уже представлялась в Левушкиных глазах не более чем обременением той налаженной жизни, которую предлагала ему заботливая и любящая мама. Как это все Светик проделывала – оставалось ее личным изобретением, собственным ноу-хау. Левушке недавно уже тридцать стукнуло, а ни одну из них она так и не подпустила к себе в качестве невестки. Хотя, в общем и целом, против семьи для сына как таковой ничего не имела. Чисто теоретически.

Вообще в теории семейных отношений Светик была весьма подкована. Как она считала, могла любой совет дать не хуже профессионального психолога. Хотя настоящей полнокровной семьи у нее никогда не было – детство прошло в захудалом детдоме, замуж тоже никогда не выходила. Судя по разговорам, присутствовал в ее жизни некий Алексей Алексеич, подполковник в отставке, но Таня его никогда не видела. Видимо, Светиков Алексей Алексеич состоял в другом законном браке, крепко и навсегда. Был ли он отцом Левушки, тоже оставалось тайной за семью печатями. Светик разговоров об этом не любила.

– Ну, чего замолчала, Танюх? Считаешь, сколько я твоих булок съела?

Светик сама же первая и отреагировала на свою неказистую шутку, хохотнула коротко и потянулась за следующей булкой. К мучному и сладкому она была равнодушна, как, впрочем, к любой сытной и вкусной еде. Видимо, детдомовский страх перед голодом въелся в нее пожизненно и теперь мстил лишними возрастными килограммами.

– Я не молчу, Светик. Я над твоими словами думаю. Наверное, я действительно зря насчет Машки переживаю.

– Конечно, зря! Она ж не на панель из дома сбежала, а к хорошему парню жить ушла! У нынешних девок, которые сильно продвинутые и замуж особо не стремятся, наличие бойфренда-сожителя, наоборот, на крутизну тянет, вроде как социальный статус повышает. Так что все в норме, Танюха. Не дрейфь. Будем считать, что твоя Машка как раз из тех, из продвинутых. Вот с Данькой – это да, это ты промахнулась малость. Не надо было его от себя отпускать.

– Так все равно же от меня ничего не зависело...

- То есть как - не зависело? Ты мать ему или кто?

- Да мать, мать... Но не могла же я собственному ребенку на горло наступить! У него талант, ему развиваться надо. Он там в школу специальную ходит... И вообще не бери мне душу, пожалуйста! Чего теперь об этом говорить? Все равно он уже обратно не поедет. Да и бабка с дедом не отдадут...

- Ну, тогда я не знаю, что тебе еще посоветовать. Тогда еще себе роди. Ты баба молодая, всю рожать можешь. Точно, роди, Танюха!

- Ага... Как у тебя все просто, Светик! Возьми да роди!

- Ой, а чего в этом сложного, не понимаю? Вроде ты на своего Серегу в этом отношении не жаловалась. Или есть проблемы?

- Ну, это смотря какие...

- Хм... По-моему, тут может быть только одна проблема - относительно качества исполнения супружеского долга. А другой нету. Или я не понимаю чего?

- Выходит, не понимаешь.

- Ага. Значит, я дура, а ты умная.

- Нет, Светик, я не умная. Совсем не умная. Но зато я совершенно определенно могу сказать, что дети рождаются вовсе не от старательно исполненного супружеского долга.

- А от чего тогда? От святого духа?

- Нет. Я бы сказала - не совсем так. Я вот где-то читала, что душа младенца приходит к будущим родителям еще во время поцелуя... Что она стоит в сторонке, и смотрит на них, и решает, поверить этому поцелую или нет, и какое от него тепло идет, искреннее, горячее или так себе, просто похотливое...

- А это ты к чему сейчас? Что, Серега тебя целовать перестал?

Таня вздохнула, опустила голову, побултыхала в чашке остатки кофе. Сладкого и со сливками. Отчего-то подумалось – так она и не научилась пить горький и черный. А между прочим, сейчас бы самое то было. Горький и черный полностью бы соответствовал ее душевному настрою. Потому что там, на душе, тоже черно и горько. И даже отвечать на простой Светиков вопрос не хотелось. Что она ей ответит? Ну, целует ее Сережа, конечно же. В обязательном порядке. А только...

– Эй, Танюх... Ты чего, опять, что ль, реветь собралась? Ты это... Ты мне это брось, подруга! Лучше давай выкладывай, что у тебя стряслось. Вернее – у вас с Серегой. Он что, загулял, да?

– Не знаю я, Свет. Честное слово, не знаю. Просто у меня такое чувство...

– Ой, да погоди ты про чувства! Чувства у нее, видите ли! Ты мне лучше прямо скажи – факты у тебя есть?

– Нет. Никаких фактов у меня нету.

– Ну, тогда и не морочь себе голову, поняла? И чувства свои засунь куда подальше! Ты что, юная барышня, чтобы всякие там чувства чувствовать?

– Да в том-то и дело, что я не как барышня чувствую, а как женщина! И чувствую, что меж нами брешь какая-то образовалась, и с каждым днем она все больше и больше становится. Мне даже иногда страшно делается, будто я глазами вижу, как она чернотой зияет... Так что какие дети, Свет? Душа ребеночка и близко к этой черноте не подлетит...

Таня резко вдохнула воздух, пытаясь удержать внутри слезы, но они сами собой наворачивались на глаза. Вообще плакать ей не хотелось. Очень не хотелось ощущать себя женщиной с подобными проблемами – не привыкла как-то. Да и суеверие внутри жило, еще в детстве от матери услышанное – нельзя проговаривать вслух плохое и потаённое, чтобы настоящую беду не накликать. Сжав зубы, она смахнула со щек быстрые слезы, мелко и часто замотала головой, героически улыбнулась дрожащими губами. Светик смотрела на нее немного снисходительно, всем видом отображая свою любимую, многократно повторенную и уже набившую оскомину фразу. Сейчас, похоже, снова ее произнесет.

– Эх, мне бы твои проблемы, подружка... – послушно проговорила Светик, тяжело вздохнув.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/kolochkova_vera/sindrom-pustogo-gnezda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)